

ПОЛИТИЧЕСКОЕ КИНО

Станислав Говорухин: «Продолжения не будет»

Фильм Станислава Говорухина «Так жить нельзя» — безусловно, из ряда фильмов так называемой шоковой терапии. Вместе с тем это серьезный обвинительный документ времени. И если мнения критиков о нем противоречивы и изменчивы, то зрительский интерес постоянен.

— Популярность картины превзошла все ожидания. Хотя в ней не сказано ничего, о чем зрители не знали бы. Может быть, именно потому, что эта информация сконцентрирована, количество перерастает в качество...

— Наша задача была в том, чтобы показать ту пропасть, в которую наше общество сползает. Причем так доходчиво, чтобы это поняли все, независимо от профессии, информированности и прочего.

— Вы надеетесь, что фильм увидят зрители в глубинке?

— Мы были готовы к тому, что картина тяжело пойдет на экраны. И сделали все возможное, чтобы облегчить ее прохождение по инстанциям. «Мосфильм» провел целую кампанию для того, чтобы какой-нибудь бесполовый начальник не смог ее закрыть. Картину показали депутатам Верховного Совета СССР, Моссовета, Ленсовета, Съезду народных депутатов РСФСР. Думаю, что теперь сложно будет ее запретить.

Более того, я уверен, что фильм увидит максимальное число зрителей. Сейчас он идет в ограниченном числе залов, потому что существует всего шесть копий. Но через месяца три-четыре их будет уже сотни.

— Но на российской парт-

конференции и на XXVIII съезде КПСС вы не стали показывать «Так жить нельзя». Не предложили или вы пошли на это сознательно?

— Думаю, что премьера этого фильма на республиканской партконференции и на союзном съезде коммунистов достигла бы нулевого результата. По постановке сил, по атмосфере, сопровождавшей эти события, стало ясно, что после премьеры «Так жить нельзя» правые еще больше доправеют, а левые — полевеют.

— Скажите, а как ведут себя представители преступного мира, о котором вы рассказываете? Лично вам не угрожают?

— Нет, звонков и угроз нет. Но мне странно, что вы об этом спрашиваете. Начнем с того, что мафии у нас нет. Говорю это как человек, хорошо знающий предмет. В принципе, наверное, не существует страны, где нет коррупции и всего того, что с нею связано. Мы — не исключение. Но сравнивать наш преступный мир с итальянской, американской или колумбийской мафией — дилетантизм, который проявляется во всем, что касается обозначения этого явления. Мне дико слышать, когда на всех уровнях говорят, что надо усилить борьбу с организованной преступностью, со

спекуляцией и взяточничеством. Вопрос ставится в таком случае не слишком компетентно. Со спекуляцией почти бесполезно бороться, пока пусты прилавки магазинов. Со взяточничеством бороться нельзя, потому что надо уничтожить порождающие его механизмы. И в таком контексте организованная преступность, наверно, все же не главная опасность. В обществе, где все организовано из рук вон плохо — милиция, промышленность, сельское хозяйство и остальное, — не может быть хорошо организованной преступности. Сегодня гораздо страшнее преступность спонтанная.

— Интонация фильма абсолютно нейтральна. Вы никого не призываете, никого не пугаете, что несколько непривычно в последнее время.

— Мы сознательно отказались от крайностей, вроде крика, лозунга. Хотелось, чтобы нас услышали, а когда человек кричит, суть его слов уже не воспринимается.

— Говорят, что не обошлось без вмешательства цензуры. Насколько это соответствует действительности?

— Вырезано из фильма очень немного. И сделал это я сам. Цензуры в обычном смысле слова не было, кроме моей собственной.

— Нетрудно провести параллель между «Так жить нельзя» и «Обыкновенным фашизмом» Михаила Ромма. Но он потом снял фильм «И все-таки я верю». Смогли бы вы снять подобную картину на современном материале?

— Мой фильм назывался бы «И все-таки я хочу верить», потому что полной уверенности нет. Но человек так устроен, что, даже если он смертельно болен, до последнего мгновения надеется на лучшее.

Беседу вел И. АБЕЛЬ